

О водвореніи іезуитовъ въ Испаніи и распряхъ ихъ съ доминиканами.

Недавно всѣ европейскія газеты почти исключительно заняты были политическимъ переворотомъ, происшедшимъ въ Испаніи, результатомъ котораго было бѣгство испанской королевы Изабеллы во Францію. Кромѣ политическихъ причинъ, вызвавшихъ этотъ переворотъ, газеты указываютъ въ немъ и дѣйствіе религіозныхъ причинъ, каковы напр.: чрезмѣрное вліяніе на королеву получившаго печальную извѣстность патера Кларета и большія права и преимущества, какими пользовались въ Испаніи католическая церковь вообще и въ особенности іезуиты. Это дѣйствіе религіозныхъ причинъ доказывается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что возстаніе направлено было не только противъ королевы Изабеллы, но и противъ главы католичества и противъ іезуитовъ. Газеты передавали намъ извѣстія, что вмѣстѣ съ портретами королевы Изабеллы испанцы сожигали и портреты папы, и что во время возстанія іезуиты изгнаны были изъ нѣкоторыхъ городовъ Испаніи, а революціонное правительство издало декретъ объ уничтоженіи въ Испаніи іезуитскаго ордена.

Но, признавая въ послѣднемъ испанскомъ переворотѣ, согласно газетнымъ извѣстіямъ, участіе религіозныхъ причинъ, т. е. привилегированнаго положенія въ государствѣ католичества и іезуитовъ съ ихъ фанатизмомъ, мы далеки были бы отъ истины, если бы отвѣтственность за эту рево-

люцію стали возлагать на одну только королеву Изабеллу, оказывавшую особенную благосклонность католичеству и іезуитамъ. Католичество и іезуитскій орденъ въ Испаніи, это—старый недугъ этой католической страны, издавна разъѣдающій ея общественный и политическій организмъ, и королева Изабелла была только послупнымъ орудіемъ испанской исторіи и очистительною жертвою за грѣхи испанскаго народа. Чтобы убѣдиться въ этомъ,—нужно только припомнить себѣ религиозную исторію Испаніи, довольно извѣстную. Въ дополненіе къ этой исторіи, мы намѣрены предложить здѣсь вниманію читателей нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи водворенія іезуитовъ въ Испаніи и ихъ распрей съ другими монашескими орденами римской церкви, чтобы имѣть возможность—сопоставить начало водворенія іезуитовъ въ Испаніи съ послѣднимъ изгнаніемъ ихъ изъ нея, и показать такимъ образомъ, что Испанія 1868 года, до послѣдней революціи, въ религиозномъ отношеніи не далеко ушла впередъ отъ Испаніи XVI вѣка.

Предлагаемыя извѣстія о водвореніи іезуитовъ въ Испаніи и распряхъ между ними и другими монашескими орденами римской церкви заимствованы нами изъ рукописной «исторіи распрей, происходившихъ между нѣкоторыми изъ «священнаго ордена проповѣдниковъ (т. е. доминиканцевъ) «и обществомъ Іисуса» (*Historia controversiarum, quae inter quosdam e sacro praedicatorum ordine et Societatem Jesu agitatae sunt*), писанной на латинскомъ языкѣ въ половинѣ XVII в. какимъ-то іезуитомъ, состоявшимъ при острожской іезуитской коллегіи, по происхожденію испанцемъ ¹⁾. Изъ нея

¹⁾ Эта книга находится теперь въ библіотекѣ Волынской Духовной Семинаріи, съ надписью на заглавномъ листѣ: «*Collegii Ostrogiensis Soc. Jesu*». Что она писана іезуитомъ испанскаго происхожденія, это видно изъ того, что авторъ ея хорошо знакомъ съ испанскими дѣлами, интересуется ими и пользуется источниками на испанскомъ языкѣ. Что книга писана около половины XVII в., это видно изъ того, что рассказъ ея не идетъ далѣе 1644 года.

ясно открывается та религиозная и общественная рознь, какую внесли съ собой іезуиты въ Испанію. И хотя авторъ, какъ іезуитъ, старается всюду оправдать своихъ собратій и выставить ихъ дѣла въ благопріятномъ для нихъ видѣ; но, составляя свою исторію въ видахъ полемики съ врагами іезуитскаго ордена, онъ не могъ обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ темныхъ фактовъ изъ исторіи іезуитскаго ордена, получившихъ въ свое время всеобщую извѣстность, и только старался, по возможности, оправдать эти факты и представить ихъ въ другомъ видѣ. Съ ними встрѣтимся мы при изложеніи самыхъ отрывковъ изъ помянутой исторіи; а теперь скажемъ только, что судьба испанскихъ іезуитовъ повторилась нѣкогда въ судьбѣ іезуитовъ бывшей Рѣчи Посполитой Польской, и поэтому не безынтересна для разясненія исторіи іезуитовъ въ бывшей Польшѣ. Изъ Испаніи іезуиты переходили и въ предѣлы бывшей Польши, съ тѣмъ самымъ характеромъ, съ тѣми историческими преданіями и приемами, какіе замѣчались у нихъ въ Испаніи, и сообщили полякамъ особенныя черты народнаго характера, не изгладившіяся и доселѣ. Разница между Испаніей и Польшей состояла развѣ только въ томъ, что въ послѣдней было больше простора для дѣйствій іезуитовъ противъ различнаго рода еретиковъ и «схизматиковъ», малочисленныхъ въ Испаніи, и потому здѣсь іезуиты скорѣе привели Польшу въ разстройство и приготовили ея паденіе, чѣмъ въ Испаніи.

Перейдемъ къ изложенію самыхъ эпизодовъ изъ исторіи водворенія іезуитовъ въ Испаніи и ихъ распрей съ другими монашескими орденами западной церкви, на основаніи вышепомянутаго іезуитскаго автора.

I.

Въ то самое время, — передаетъ авторъ исторіи распрей, — когда Игнатій Лойола съ девятью товарищами полагалъ

основаніе іезуитскому ордену,—жилъ въ Испаніи знаменитый профессоръ доминиканскаго ордена Мелхіоръ Канъ, человѣкъ съ замѣчательнымъ умомъ и краснорѣчіемъ, пользовавшійся славою ученаго мужа. Онъ смѣялся надъ предпріятіемъ Лойолы, какъ надъ пустымъ и честолюбивымъ, и не переставалъ презрительно относиться къ нему и послѣ того уже, какъ іезуитскій орденъ былъ основанъ и началъ усиливаться и пріобрѣтать успѣхъ. Канъ занималъ почетнѣйшую должность первенствующаго профессора богословія въ сальмантійской академіи, когда въ 1548 году прибылъ въ г. Сальмантику съ тремя товарищами іезуитъ Михаилъ Турріанъ, выстроилъ здѣсь не большой домикъ и отправлялъ въ немъ богослуженіе. Этотъ Турріанъ былъ компютскимъ докторомъ, и пользовался извѣстностію въ Сальмантикѣ. Въ частныхъ бесѣдахъ и собраніяхъ онъ рассказывалъ сальмантійскимъ гражданамъ и отцамъ академіи объ основаніяхъ ордена, и вездѣ видѣлъ благосклонное вниманіе къ себѣ. Между прочимъ онъ явился и къ Кану, и смиренно просилъ его удостоить своего вниманія общество, всѣми силами стремящееся единственно къ повиновенію Богу. Мелхіоръ принялъ Турріана благосклонно, и какъ будто съ удовольствіемъ согласился видѣться съ нимъ чаще. Но, сверхъ ожиданія, скоро послѣ этого разговора, Мелхіоръ началъ жестоко нападать на іезуитовъ въ своихъ великопостныхъ проповѣдяхъ. Онъ внушалъ народу спастись антихриста, говорилъ, что, благодаря безопасности, антихристъ находится близко, что онъ пришелъ уже, и вы видите его посланниковъ и поборниковъ въ Сальмантикѣ. Къ этому Канъ присовокупилъ: «я знаю новаго рода людей, которые «надувають вамъ въ уши и навязываютъ какое-то странное «ученіе, которые тайно показываютъ какія-то упражненія въ «теченіи 30 или 40 дней, въ которые нельзя читать никакой «другой книги, даже канонической и божественной, кромѣ

«собственныхъ ихъ произведеній. Итакъ знайте, что они при-
 «носятъ много пагубы и обмана и ничего—добраго и здра-
 «ваго. Итакъ еще и еще увѣщаваю: берегитесь! Это—родъ
 «скрытный и коварный. Направиваются на знакомства съ
 «скромнымъ лицомъ, съ надежными и мягкими рѣчами и обѣ-
 «щаніемъ душевнаго мира, съ скромною веселостію улыбаю-
 «щихся устъ, съ искусно поддѣланной личиною святости. Бере-
 «гитесь,—говорю я,—обаятелей этихъ, которыхъ опрометчи-
 «вая благосклонность нѣкоторыхъ невѣждъ уже и провозгла-
 «сила святыми. Дѣйствительно, ничего другаго они и не
 «домсгаются, какъ этого самаго, легко доставшагося имъ
 «миѣнія объ ихъ святости, опираясь на которое, они глубоко
 «проникають въ души и довѣренность простаковъ. Но они
 «ничего подобнаго не дѣлають, и только стараются одобрять
 «порoki и жизнь грѣшницы:—объ одномъ только стараются,
 «какъ бы выманить что-нибудь на пищу и свои удовольствія.
 «Но я слышу, что они странствуютъ всюду и бѣгаютъ туда
 «и сюда; плаваютъ даже въ Индію, съ явнымъ и дерзкимъ
 «намѣреніемъ—претворить земной міръ. Нахожу также,
 «что они чуждаются древнихъ благочестивыхъ орденовъ, из-
 «давна одобренныхъ церковію, и почти не имѣютъ никакой
 «связи съ ними, кромѣ развѣ того, что находятъ выгоднымъ
 «для своей корысти; охотно учащаютъ своимъ посѣщеніемъ
 «дворцы и палацы магнатовъ, пріятно и роскошно пекутся
 «о душѣ и не употребляютъ ни постовъ, ни власяницъ, ни
 «другихъ въ этомъ родѣ путей благочестія и покаянія. По-
 «этому,—вѣрьте мнѣ,—не окрѣпнетъ дѣло, но разрушится
 «по смерти основателя секты, такъ что не будетъ и слѣдовъ
 «его и останутся только развалины худо сооруженнаго зда-
 «нія». Когда это и сему подобное говорилъ Канъ въ своихъ
 проповѣдяхъ съ большимъ краснорѣчіемъ и жаромъ и затѣмъ
 повторялъ въ частныхъ бесѣдахъ; то такая ненависть къ

іезуитамъ явилась въ народѣ, что, по видимому, должны были уничтожиться слабые зачатки заражающагося общества іезуитовъ. Вездѣ при встрѣчѣ съ ними народъ отворачивался и взаимно предостерегалъ себя отъ нихъ: «остережемся, остережемся, чтобы и насъ не обольстили!» Авторъ исторіи распрей говоритъ, что Турріанъ съ товарищами не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ Кана и только молился за своего врага. Между тѣмъ ниже онъ самъ упоминаетъ о письмѣ Игнатія Лойолы къ Іоанну Авилѣ о сальмантійскихъ смутахъ, гдѣ Лойола проситъ у Авилы покровительства своему ордену. Вѣроятно, доносами іезуитовъ вызвано было письмо доминиканскаго генерала Франциска Ромея къ сальмантійскимъ доминиканамъ. Привѣтствуя въ этомъ письмѣ всю братію своего ордена, Ромей говоритъ: «извѣстно вамъ, что въ сіе бурное время, когда религія христіанская уязвляется стрѣлами еретиковъ и потрясается развращенными нравами худыхъ христіанъ, ниспосланъ былъ, по милости Божіей, каковыя нѣкая побѣдительная десница, новый орденъ регулярныхъ пресвитеровъ, одобренный и утвержденный святѣйшимъ во Христѣ отцомъ и господиномъ нашимъ, папою Павломъ III, за великія услуги, оказанныя церкви лекціями, публичными проповѣдями, частными увѣщаніями, исповѣдью и другими свящ. занятіями и образцами святой нравственности. Посему считаемъ нужнымъ довести это до вашего свѣдѣнія, дабы кто либо изъ васъ, соблазнившись новизною ордена, не ратовалъ противъ сихъ соратниковъ, преслѣдующихъ одну съ нами цѣль и посланныхъ намъ отъ Бога въ помощь, и не порицалъ учрежденія тѣхъ, которыхъ онъ долженъ благодарить за ихъ заслуги и подражать ихъ благочестивымъ подвигамъ».—Въ послѣднихъ словахъ Францискъ Ромей явно намекалъ на Кана.

Пристыженный этимъ письмомъ, Мелхіоръ Канъ пересталъ нападать на іезуитовъ въ публичныхъ проповѣдяхъ,

но за то съ большею злобою говорилъ противъ нихъ въ частныхъ домахъ и собраніяхъ, и имѣлъ огромный успѣхъ. Пользуясь большимъ вліяніемъ въ сальмантійской гимназій св. Стефана, Канъ при всякомъ удобномъ случаѣ внушалъ воспитанникамъ ненависть къ іезуитамъ, и чтобы они, по окончаніи курса, не забыли его наставленій, написалъ для нихъ записку объ іезуитахъ.—Здѣсь онъ говоритъ о Лойолѣ, что онъ бѣжалъ изъ Испаніи потому, что священный Сенатъ инквизиціи разыскивалъ его для заключенія; послѣ того въ Римѣ стоялъ передъ судомъ папскимъ, но поелику не было на лицо обвинителей, то ему дозволено было уйти, хотя онъ и не былъ оправданъ. Также онъ отзывается и о товарищахъ Лойолы, прибавляя, что «апостолами Игнатія были Фабръ, Сальмеронъ и Лаиній, которыхъ онъ, Канъ, зналъ въ Германіи во время путешествія туда по случаю тридентскаго собора,—что это были люди негодные, безстыдные, наглые,—что безстыдствомъ разговоровъ они возбуждали въ немъ отвращеніе, и что Фабръ надутю тщеславился въ Германіи, будто онъ посланъ папою, тогда какъ хитростію похитилъ у папы разрѣшеніе путешествовать тамъ и учреждать общество клириковъ-невѣждъ, которые бы были миссіонерами между еретиками. Наконецъ всѣхъ іезуитовъ Канъ называлъ льстецами, подлыми и мерзкими, которые, если говорятъ о комъ, то сейчасъ провозглашаютъ святыми и блаженными; кромѣ того называлъ ихъ невѣждами и безразсудными, которые безъ всякаго приготовленія берутъ на себя попеченіе о душахъ, даютъ совѣты глупые и нелѣпые. «Ибо я достовѣрно знаю,—говоритъ Канъ,—что одной дѣвицѣ, которая спрашивала у нихъ о средствѣ къ обузданію нечистыхъ пожеланій, посоветовали эти авторы носить при себѣ камфорную траву. Другой женщинѣ совѣтовали, для преуспѣянія въ добродѣтели, уничтожать красоту питіемъ дистиллированной воды.

«Не удерживается и отъ гнусѣйшихъ басенъ, рассказывая, что «одинъ изъ іезуитовъ Тарракане, слушая исповѣдь одной «отроковицы, положилъ ей руку за пазуху, и, когда она «изумилась и оттолкнула его, сказалъ ей, что дѣлаетъ «это для умерщвленія ея страстей. Примѣнялъ къ этому и «другое, что или безосновательно предполагалось, или основывалось на безчестныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ бездѣльниковъ, принимавшихъ имя и одежду іезуитовъ». Далѣе Канъ пишетъ, что вмѣстѣ съ іезуитскимъ орденомъ основанъ былъ орденъ княжны Кастальды. Когда оба эти ордена жили въ сосѣдствѣ и сходились между собою, то происходили между ними нечистыя связи. Канъ говоритъ, что безъ негодованія онъ не можетъ слышать голоса іезуитовъ, когда они, встрѣчаясь съ кѣмъ нибудь, восклицаютъ: «о, какъ благо, какъ благо Богъ!.. и какъ вождѣнненъ!»! Къ концу впрочемъ замѣчаетъ, что о нѣкоторыхъ іезуитахъ можно сказать, что они—люди хорошіе.—Канъ получилъ наконецъ епископское достоинство и сдѣланъ былъ епископомъ комаринской церкви; но, удовольствовавшись титуломъ, не вступалъ въ отправленіе своей должности, и умеръ провинціаломъ своего ордена въ Толедо, 1560 года.

II.

Около 1576 года жилъ въ монастырѣ близъ Вероны, въ провинціи Бѣтики, въ Естремадурѣ, профессоръ доминиканскаго ордена Альфонсъ а-Фонте, по видимому хорошій пресвитеръ и не безъ способности говорить къ народу. Будучи насквозь пропитанъ ненавистью къ іезуитамъ, почерпнутою изъ записки Кана, и однако опасаясь открыто высказываться и взводить обвиненіе на орденъ, уже довольно распростраившійся и пользовавшійся покровительствомъ вельможъ, онъ тайно сталъ обвинять его въ ужасныхъ преступленіяхъ. Въ

*

своихъ бесѣдахъ публичныхъ, если только не было при этомъ кого либо изъ іезуитовъ, онъ внушалъ всѣмъ, что церкви угрожаетъ большая опасность, и изъявлялъ готовность показывать эту опасность, если только слушатели не передадутъ сообщаемого врагамъ. Онъ говорилъ, что такъ-называемые іезуиты составляютъ капитальную срьсь изъ всѣхъ срьсей, когда либо существовавшихъ, что они своими рѣчами обольщаютъ людей и подчиняютъ ихъ дьяволу, которому и сами поклоняются и находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ. При сего помощи они уловляютъ въ свои сѣти неосторожный народъ. Такъ они увлекли за собою много знатныхъ людей, также епископовъ изъ доминиканскаго ордена, какъ напр. Людовика Гранатскаго. Къ тому же Альфонсъ а-Фонте былъ «эзекуторомъ и промультгаторомъ декретовъ свящ. инквизиціи», и кромѣ того присвоилъ себѣ званіе консултора «священной оффиціи». По праву своей должности, онъ внушалъ судьямъ трибунала, что существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подозрительныя собранія, что бываютъ злоупотребленія въ совершеніи таинствъ и приходятъ нѣкоторые суевѣрные обряды. Когда противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій онъ выпросилъ общіе и неопредѣленные эдикты, то эдикты эти прилагалъ къ обществу іезуитовъ. Кромѣ того, подвергавшихся суду инквизиціи называлъ учениками іезуитовъ и участниками въ ихъ обманахъ и злодѣяніяхъ. Этому благоприятствовало то обстоятельство, что нѣкоторые негодяи выдавали себя или за учениковъ іезуитовъ, или за принадлежащихъ къ этому ордену. Повѣствуетъ Іоаннъ Поланей въ неизданной исторіи ордена, что былъ тогда въ Испаніи одинъ негодный священникъ, по имени Борассамъ, который на исповѣди позволялъ себѣ вольное обращеніе съ женщинами. Онъ выдавалъ себя за іезуита.

Подобными мѣрами Альфонсъ а-Фонте подорвалъ репутацію іезуитовъ въ Каstellѣ и Бѣтикѣ. Между тѣмъ въ

Лузитанія іезуитовъ величали еще апостолами. Чтобы повредить имъ и здѣсь, онъ написалъ три письма, и въ мартѣ 1576 года послалъ ихъ въ Лузитанію,—одно къ князю Генриху Кардиналу, другое верховному совѣту священной инквизиціи лузитанской при Улиссипонѣ, третье — провинціалу своего ордена, сильно настаивая предъ каждымъ изъ нихъ, чтобы они тщательно разсмотрѣли представляемыя имъ обвиненія. Эти письма, сходящія между собою, имѣють слѣдующую мысль, что тѣ, кои попросту называются театинцами, а отъ иныхъ — обществомъ Іисуса, въ Лузитаніи же называются апостолами, суть несчастный и гнусный родъ людей, обнаруживающихъ, по наущенію діавола, преступную ересь горше всѣхъ когда либо существовавшихъ ересей,—что Людовикъ Граватскій изъ ордена проповѣдниковъ сочувствуетъ іезуитамъ во всемъ и потому составляетъ одну изъ важнѣйшихъ опоръ пагубнѣйшей секты,—что іезуиты совѣтуютъ нѣкоторымъ людямъ уединеніе и такъ называемыя духовныя упражненія, посредствомъ которыхъ, при помощи діавола, вовлекли множество душъ, особенно простыхъ женщинъ, въ порокъ,—что, очевидно, они суть маги и производятъ въ своихъ ученикахъ, особенно слабѣйшаго пола, такія движенія и проявленія чувствъ душевныхъ и тѣлесныхъ, какихъ нельзя приписать никакой естественной причинѣ,—что они, многаямъ обѣщавшись показать діавола, въ самомъ дѣлѣ для нѣкоторыхъ исполняли обѣщанное. Представивши дѣло въ такомъ видѣ, онъ просилъ князя Генриха Кардинала, священный Сенатъ улиссипонеской инквизиціи и доминиканскаго провинціала, чтобы они сообща вникнули въ дѣло и употребили надлежащее врачевство противъ распространившейся язвы, уже заразившей собою много знатныхъ людей и не мало епископовъ, и съ своей стороны обѣщавъ всѣми силами содѣйствовать общественному здравію. Съ этою цѣлію онъ

самъ отправился въ Лузитанію и устно разсѣвалъ въ народѣ то, что написалъ въ письмахъ, присовокупляя, что это уже извѣстно народу въ Каstellѣ, что священный Сенатъ верховной инквизиціи, въ которомъ онъ самъ былъ консульторомъ, вошелъ въ разсмотрѣніе этихъ злодѣяній, и что царь Филиппъ, котораго онъ самъ извѣстилъ объ этомъ письмомъ, всѣми силами старается объ этомъ, и что онъ Альфонсъ спеціально за этимъ пришелъ въ Лузитанію. Объ одномъ просилъ Альфонсъ а-Фонте своихъ слушателей, чтобы они не передавали слышаннаго Людовику Гранатскому или кому либо изъ іезуитовъ. Многіе возмутились этимъ, особенно же кардиналъ Генрихъ, который, зная невинность Людовика Гранатскаго и іезуитовъ, не хотѣлъ оставить поступокъ Альфонса безнаказаннымъ. Въ то время случился тамъ Стефанъ Лейтатъ, провинціалъ ордена проповѣдниковъ въ Лузитаніи, который совмѣстно съ княземъ Генрихомъ Кардиналомъ постарался о прекращеніи злословія. Представивши князю Кардиналу полученное отъ Альфонса письмо, Лейтатъ присовокуплялъ при этомъ, что до выхода изъ Каstellы Альфонсъ хвалился написанною имъ рукописью съ болѣе пространнымъ доказательствомъ того же предмета, которую онъ будто бы представилъ католическому королю (Филиппу II). Такъ какъ онъ былъ подданнымъ царя Филиппа, котораго касался въ своихъ рѣчахъ, и выдавалъ себя за консультора верховнаго Сената инквизиціи въ Каstellѣ, то рѣшено было преслѣдовать его судебнымъ порядкомъ въ Каstellѣ. Съ этою цѣлію князь Генрихъ Кардиналъ написалъ письма къ королю Филиппу, къ верховному клезитору по дѣламъ вѣры, и наконецъ къ апостольскому нунцію въ Каstellѣ и, изложивши подробно дѣло, призывалъ ихъ авторитетъ и мудрость къ защитѣ невинности, избирая представителемъ своимъ при этомъ дѣлѣ священника Мануеля Антунеца, которому онъ оказы-

валъ особенное довѣріе. Антунецъ прибылъ въ Каstellу, передалъ порученіе своего князя и тотчасъ же, по приказанію царя, началъ подробно излагать дѣло въ верховномъ Совѣтѣ инквизиціи. Призванный на судъ, Альфонсъ а-Фонте сознался, что онъ распространялъ въ Лузитаніи письма и злословіе и проч.; впрочемъ, упавши на колѣна, съ покорностію просилъ прощенія, говоря, что онъ не имѣлъ намѣренія вредить обществу, и возвращая назадъ безразсудно сказанное. Отцы инквизиціи, склонившись этимъ къ милосердію, удалили Альфонса въ Гиспалимъ, съ тѣмъ чтобы тамъ, въ киновіи своего ордена, по названію «врата небесныя» (porta coeli), онъ оставался безвыходно, какъ бы подъ стражею, до тѣхъ поръ, пока не позволитъ ему выходить верховный инквизиторъ; запретили также ему публично или частнымъ образомъ проповѣдывать когда либо о томъ, что содержалось въ написанныхъ имъ противъ Людовика Гранатскаго и іезуитовъ письмахъ; наконецъ воспретили всякое отношеніе къ дѣламъ, какимъ либо образомъ относящимся къ священному суду инквизиціи. Послѣ этого Альфонсъ былъ высланъ въ Гиспалимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ верховный инквизиторъ послалъ письмо къ кардиналу Генриху, въ которомъ сначала излагалъ причины, почему священный Сенатъ снисходительно поступилъ съ преступникомъ, потомъ утверждалъ, что объ обществѣ и Людовикѣ Гранатскомъ написана въ письмахъ чистая ложь, что въ народѣ іезуиты пользуются большимъ уваженіемъ. Князь Генрихъ Кардиналь остался недоволенъ такимъ легкимъ судомъ надъ Альфонсомъ, и обращался къ королю Филиппу, къ верховному инквизитору, легату апостольскому, требуя перемѣны опредѣленія, и угрожалъ даже апелляціею къ папѣ. Впрочемъ постановленіе объ Альфонсѣ не было перемѣнено.

III.

Разнесшаяся по Испаніи вѣсть о наказаніи Альфонса, хотя и легкомъ,—у многихъ изъ доминиканскаго ордена учениковъ Кана отбила охоту къ нападеніямъ на іезуитовъ. Ибо, тогда какъ до сего времени въ Гранатѣ, Гиспалімѣ, Авилѣ, Сальмаптикѣ и др. городахъ дѣлалась ими разная непріятности іезуитскому обществу, и одни изъ нихъ возражали противъ іезуитскаго института, другіе сомнѣвались въ чистотѣ жизни, пные заподозривали ученіе, нѣкоторые наконецъ открыто заводили тяжбы, чтобы законнымъ порядкомъ воспретить іезуитамъ преподаваніе въ гимназіяхъ, а иногда старались затруднить юридическими формами и постройку домовъ іезуитскихъ, предпринимаемую нѣкоторыми друзьями іезуитовъ,—теперь прекратились всѣ эти нападки, частію изъ стыда быть подобнымъ Альфонсу а Фонте, частію благодаря нѣкоторымъ начальникамъ доминиканскаго ордена, защищавшимъ дѣло іезуитовъ. Къ этому нужно прибавить, что многіе изъ прежнихъ соумышленниковъ Кана умерли, и тогда обнаружилась ложь заключавшихся въ его запискѣ обвиненій. Отсюда произошло то, что чрезъ 6 лѣтъ послѣ осужденія Альфонса, около 1582 г., вся секта Кана въ доминиканскомъ орденѣ, по видимому, исчезла. Оставшіеся изъ ней чувствовали свое одиночество и, для ободренія себя, составили собраніе. Въ іезуитскихъ памятникахъ значится, что «въ 1582 г. четверо^е знаменитыхъ доминиканцевъ изъ числа тѣхъ, которые, подъ руководствомъ Кана, влялись въ вѣчной ненависти къ нашему обществу, на общемъ совѣщаніи положили: 1) написать и вручить царю Филиппу II записку, въ которой бы обстоятельно доказывалось, что ученіе общества «нагубно; 2) потомъ, такъ какъ записка Кана устарѣла и «вышла изъ употребленія, то признано нужнымъ снова составить другую и распространить ее какъ можно болѣе».—

Кто были эти четверо доминиканцевъ,—не извѣстно. Авторъ исторіи распрей догадывается, что то были знаменитые въ то время доминиканцы—Доминикъ Баннець, Іаковъ Передь, Альфонсъ Авенданій и Гонзалесъ Ромеръ, открыто враждовавшіе впоследствии противъ іезуитовъ.

Нападенія канистовъ на іезуитскій орденъ начались съ того, что около 1582 г. въ Мексикѣ, Мадридѣ и особенно въ Комплютѣ и другихъ городахъ начали жестоко нападать съ церковной кафедры на употреблявшіеся іезуитами, съ самаго основанія ихъ ордена, обычай—преподавать народу христіанское ученіе на площадяхъ и перекресткахъ, какъ на профанирующій и чуть ли не святотатственный. Виновицами сего обвиненія были—Альфонсъ Авенданій и товарищъ его изъ того же ордена Мальдонать, которые считали профанациею для слова Божія и таинства религіи—преподаваніе ихъ народу на площадяхъ и вообще открытыхъ мѣстахъ. Но тяжело было, по тогдашнему времени, обвиненіе іезуитовъ по поводу двухъ мѣстъ изъ книги постановленій іезуитскаго ордена. Первое изъ этихъ мѣстъ (сар. 3; Exam. № 1)—слѣдующее: «спрашивается,—кто желаетъ поступить въ орденъ, тотъ можетъ ли имѣть какія либо понятія или мнѣнія, несходныя съ тѣми, какія вообще содержатся церковію и признаются отъ нея истинными? И если когда возникнутъ въ душѣ такого рода мнѣнія, то долженъ ли онъ отъязаться отъ своего мнѣнія и мыслить объ этихъ предметахъ согласно постановленію общества?» Другое мѣсто ex declarat. constit. р. 3. с. 1.: «новыя мнѣнія не должны быть допускаемы, и если кто думаетъ о чемъ либо несогласно съ мнѣніемъ церкви и вообще святыхъ ея, то долженъ подчинить свое мнѣніе опредѣленію самаго общества, какъ сказано въ *Екзампль*. Касательно же мнѣній, въ которыхъ католическіе святыя разнствуютъ между собою или противорѣчатъ одинъ

«другому,—нужно стараться о соблюденіи согласія въ обществѣ». На основаніи этихъ мѣстъ начали обвинять іезуитовъ, что орденъ ихъ предвосхищаетъ сужденіе и рѣшеніе касательно вѣроученія, предоставленное только власти церковныхъ предстоятелей и священнаго трибунала инквизиціи. Но отцы іезуиты не потерялись въ виду этого обвиненія. По наставленію своего генерала Клавдія, они явились къ папскому легату, находившемуся тогда при дворѣ Филиппа, и кардиналу Квиросѣ, верховному инквизитору, и доказывали предъ ними, что іезуиты повинуются свящ. властямъ и далеки отъ безразсудной мысли—посягать на чистоту вѣроученія, охраняемаго папскими легатами и префектами свящ. Сената инквизиціи. Помянутый іезуитскій генераль Клавдій, въ письмѣ къ провинціалу Эгидію Гонзалесу, писалъ между прочимъ: «если другимъ священнымъ орденамъ позволительно избирать «одного какого либо автора, прилѣпляться къ нему и слѣдовать ему, какъ учителю и вождю; то почему бы и обществу «не подчиняться своимъ богословамъ касательно того ученія, «которое оно считаетъ ведущимъ къ предназначенной цѣли, «для того, чтобы искоренить разности и новизны и имѣть «твердое ученіе? А это довольно прямо выражаютъ наши «постановленія (Ч. 4, гл. 5), гдѣ предписывается такимъ образомъ: *«сз каждымъ пунктъ нужно слѣдовать болѣе «надежному и одобренному ученію и раскрывающимъ его авторамъ, о чемъ долженъ стараться ректоръ, который долженъ «слѣдовать тому, что постановлено всѣмъ обществомъ, къ «большей славы Божіей»*. «Изъ этого можно видѣть, что это «постановленіе есть одно изъ полезнѣйшихъ и спасительнѣйшихъ нашихъ постановленій, для избѣжанія всякихъ новшествъ и для удержанія нашихъ въ предѣлахъ смиренія и «правильнаго согласованія съ учрежденіями римской церкви «и духомъ ихъ». Это письмо также было представлено папскому легату, и послужило къ оправданію іезуитовъ.

Это второе усиліе канистовъ къ возстаповленію противъ іезуитовъ Сената свящ. инквизиціи не было послѣднимъ. Авторъ исторіи распрей говоритъ, что «нѣкоторые педостойные «сыны общества, не терпя домашней дисциплины, выдумавши «безсовѣстнѣйшія обвиненія, обезславили предъ свящ. трибу- «наломъ прежнихъ своихъ суперіоровъ и все управленіе ор- «дена,—и имъ повѣрили. Отсюда наступили для ордена въ «Испаніи печальныя времена, продолжавшіяся отъ 1585 до «1590 г., плачевная исторія которыхъ изложена въ нашихъ «анналахъ. Покажемъ здѣсь только одну изъ причинъ этихъ «бѣдствій. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ записку, напи- «санную тогда съ общаго согласія четырехъ лицъ, о кото- «рыхъ мы говорили, тайно распространенную чрезъ пріятелей, «написанную съ тою цѣлію, чтобы помочь прежней запискѣ, «составленной Каномъ и уже устарѣвшей. Въ этой запискѣ «орденъ представленъ ересью иллюминатовъ, презрителемъ «церковной власти, сходнымъ съ лютеранствомъ касательно «сужденія о правотѣ ученія, нарушителемъ свящ. печати ис- «повѣди, алчнымъ похитителемъ наслѣдствъ подъ вымышлен- «нымъ предлогомъ напутствія умирающихъ, непристойнымъ «искателемъ своихъ выгодъ въ дѣлѣ исправленія душъ, и на- «конецъ святотатственнымъ осквернителемъ женщинъ, доста- «ваемыхъ подъ ложнымъ видомъ совершенія таинствъ и об- «маниваемыхъ посредствомъ дьявольской науки магіи и ноч- «ныхъ привидѣній,—и о самомъ Игнатіѣ говорилось, что онъ «былъ изъ секты иллюминатовъ, изъ гордыхъ людей вредной «секты, давно отпавшихъ отъ подражанія св. Доминику, и «заботился единственно о полученіи почестей при всякомъ «удобномъ случаѣ». Кромѣ того іезуиты обвинялись въ днев- номъ набѣгѣ на королевскія имущества.

Эти обвиненія съ 1582 г. распространялись не только самими канистами и ихъ сообщниками, но и профессорами

другихъ орденовъ, которыхъ будто бы іезуиты презирали и безчестили, а также докторами и прелатами и всякаго рода людьми, такъ что отовсюду падали на іезуитовъ съ ожесточеніемъ. Тогда какъ одни осуждали іезуитскіе обѣты, другіе утверждали, что іезуитскими правилами искажено Христово правило о братскомъ исправленіи; третьи въ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ іезуитовъ объ отдачѣ денегъ кулцамъ за извѣстный годовой процентъ видѣли стремленіе къ нечистой прибыли; многіе, по поводу мнѣнія нѣкоторыхъ іезуитовъ о томъ, что бываютъ случаи, когда, для совершенной исповѣди, бающійся долженъ открыть духовнику соучастника грѣха, называли это мнѣніе профанаціей таинства покаянія и святотатственнымъ нарушеніемъ его печати; очень многіе ученіе іезуитскаго ордена о свободной волѣ и благодатной помощи называли пелагіанскимъ, и обвиняли іезуитовъ въ неуваженіи къ авторитету Ѳомы Аквината. Слухъ объ этихъ смутахъ дошелъ до Рима. Вслѣдствіе сего тогдашній папа Григорій послалъ въ 1582 г. къ своему нунцію въ Испаніи письмо, въ которомъ онъ поручалъ ему всѣми силами стараться о прекращеніи этихъ распрей. Позаботился объ этомъ, по долгу инквизитора, и кардиналъ Квироса и, разобравши и выслушавши докторовъ той и другой стороны, сказалъ, что каждая изъ сторонъ можетъ оставаться при своемъ мнѣніи, не осуждая противной стороны. Въ то же время и начальники доминиканскаго ордена письмами изъ Рима убѣждали своихъ подчиненныхъ стараться о сохраненіи мира съ іезуитами, чему не мало содѣйствовали и сами профессора доминиканскіе, изъ коихъ одинъ на провинціальномъ конвентѣ, по поводу сдѣланнаго кѣмъ-то замѣчанія о непристойномъ отзывѣ одного іезуита, сказалъ: «если отцы іезуиты сказали противъ насъ что либо жесткое, то это сказано никакъ не противъ нашего ордена и нашихъ постановленій, но противъ отдѣль-

«ныхъ лицъ; если порицалось чье либо ученіе, то не порицался цѣлый орденъ, будто онъ держится ложнаго догмата. И между нашими есть такіе, которые осуждаютъ общество и самый институтъ и всему обществу приписываютъ не совершенныя одобрительныя мнѣнія, и наконецъ нападаютъ не на отдѣльныхъ лицъ ордена, но на весь орденъ». Примиренію между орденами помогъ и генераль іезуитскаго ордена Клавдій. Въ 1582 г. онъ написалъ испанскимъ провинціаламъ, по поводу сихъ смуть, письма, въ коихъ, извѣщая о нѣкоторыхъ несогласныхъ съ Уомою Аквинатомъ мнѣніяхъ іезуитовъ, спрашивалъ, нѣтъ ли подобныхъ мнѣній и въ ихъ провинціяхъ, и предписывалъ искоренять таковыя мнѣнія, питать уваженіе къ Уомѣ Аквинату и сохранять миръ съ доминиканами, чтобы не уронить своего имени.

IV.

Такими признаками ознаменовалось въ 1582 году возстановленіе канистовъ. И дѣйствительно, скоро возстали противъ іезуитскаго ордена три знаменитые мужа—Авенданій, Ромеръ и Передъ.

Славился въ то время въ Испаніи знаменитый профессоръ священнаго ордена проповѣдниковъ, Альфонсъ Авенданій, человѣкъ съ пылкимъ и прямымъ характеромъ, насквозь пропитанный духомъ Кана, такъ что іезуитъ Михаилъ Медина, тогдашній ректоръ цезаравгустанской коллегіи, въ письмѣ къ генералу своему Клавдію, называлъ его ожившимъ Каномъ. Этотъ знаменитый краснорѣчіемъ человѣкъ, ходя по Испаніи съ проповѣдію, по свидѣтельству Медины, всюду проповѣдывалъ, что «онъ (Альфонсъ Авенданій) получилъ «достовѣрнѣйшее откровеніе Св. Духа, что міръ въ настоящее время прельщается и развращается обществомъ Іисуса, и что именно ему (Авенданію) предстоитъ сохранить отъ

«сего пагубнаго обольщенія вѣренную ему отъ Бога про-
 «винцію». Объ этомъ онъ говорилъ и въ публичныхъ рѣчахъ
 и въ частныхъ бесѣдахъ, и не опускалъ ни одного удобнаго
 случая вредить іезуитамъ. Вотъ какъ напр. доносилъ объ его
 бесѣдахъ адмиралъ или префектъ морской въ царствѣ Арра-
 гоши, Мендоза. «Въ іюлѣ или августѣ мѣсяцѣ 1583 г., въ
 «бытность мою въ Мадритѣ, пришелъ ко мнѣ съ визитомъ
 «отецъ Альфонсъ Авенданій, тогдашній пріоръ конвента св.
 «Доминика въ городѣ Гвалдаярѣ, и здѣсь, разговаривая нѣ-
 «сколько времени о стороннихъ предметахъ и случайно упо-
 «мянувши объ обществѣ Іисуса, помянутый отецъ Альфонсъ
 «сказалъ мнѣ нѣчто противъ братій этого общества; и когда
 «я, насколько позволяло мнѣ знакомство съ ихъ институтомъ
 «и обычаями и наблюденіе за ходомъ дѣлъ, по возможности
 «возражалъ ему, то Альфонсъ, видя, что я далекъ отъ того,
 «чтобы повѣрить сказанному имъ, между прочимъ сказалъ
 «мнѣ, что они вовсе не такъ живутъ и не такъ хороши, какъ
 «я думаю о нихъ, и что онъ надѣется о Господѣ весьма
 «скоро доказать справедливость сказаннаго имъ объ іезуитахъ,
 «и что оставить заблужденіе тѣ, кои считаютъ ихъ добрыми,
 «будучи ослѣплены внѣшнимъ блескомъ и незнаніемъ дѣла.
 «Это и другое подобное высказывалъ онъ, чего впрочемъ, по
 «долговременности, я не сохранилъ отчетливо въ памяти,
 «такъ какъ я тогда отвѣчалъ ему, по возможности, на все.
 «Съ этимъ только и ушелъ тогда помянутый о. Авенданій.
 «Черезъ нѣсколько послѣ этого дней послѣдовало заключеніе
 «въ тюрьму отцовъ—Марконія, провинціала общества Іисуса
 «провинціи толедской этого царства, и Франциска Лабаты,
 «ректора сальмантійской коллегіи общества Іисуса,—и 11 или
 «12 апрѣля сего 1583 года, когда я былъ въ Гвардаларѣ у
 «князя del Infantado, патрона моего, и гулялъ съ нимъ на
 «нижнемъ портикѣ около саду, увидѣлъ я входящаго къ намъ

«помянутаго о. Альфонса Авенданія, который уже былъ тогда, «какъ и теперь, пріоромъ комплутскаго доминиканскаго монастыря. Опъ, подошедши ко мнѣ, при стороннихъ слушателяхъ—князѣ del Infantado, другомъ братѣ доминиканцѣ товарищѣ своемъ d' Apostolo de Castilla, при главномъ учителѣ Еввисона князя и Иоаннѣ Гомецѣ de Sanabria, прежде «первенствующемъ профессорѣ медицины въ академіи комплутской, нынѣ же первенствующемъ и ближайшемъ медикѣ князя, сказалъ мнѣ слѣдующее: какъ вы полагаете,—дѣйствительно ли Богъ дѣлаетъ то, что, по моему предсказанію, имѣлъ совершить, и начинаетъ употреблять врачевство «противъ іезуитовъ?—Я тутъ же ему отвѣчалъ: пока еще мы «ничего не видимъ, кромѣ заключенія въ тюрьму арестованныхъ отцовъ общества, и доколѣ еще церковь не объявила намъ, что они виновны и въ чемъ именно, то ваша отеческая любовь и всѣ мы должны воздержаться отъ признанія ихъ худыми людьми, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, откроется, что они арестованы не по дѣламъ вѣры, а по недоумѣнію юрисдикціи. При этомъ о. Альфонсъ Авенданій «очень вспылъ и, съ большимъ азартомъ говоря о дѣлахъ общества, сказалъ мнѣ, что онъ не считаетъ добрыми людей, у которыхъ онъ нашелъ до 160 или 260 ложныхъ мнѣній противъ ученія св. Фомы, что всѣ эти мнѣнія онъ признаетъ прямо противоположными ученію Христа, и что мнѣе ложное изъ нихъ противорѣчитъ по крайней мѣрѣ «четыремъ священнымъ учителямъ. Я отвѣчалъ на это, что «я не вѣрю справедливости сказаннаго; ибо если бы дѣйствительно было такъ, и если самый враждебный по отношенію къ іезуитамъ человѣкъ насчиталъ столько ложныхъ мнѣній касательно вѣры, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ уже «представилъ ихъ священному трибуналу инквизиціи, и что «я желалъ бы знать,—принадлежатъ ли помянутыя ложныя

«мнѣнія только нѣкоторымъ лицамъ изъ общества, или же
«всѣмъ вообще. На это онъ отвѣчалъ, что всѣмъ, и что они
«сроднились съ этими заблужденіями съ самаго начала осно-
«ванія своего ордена. И хотя бы они не имѣли другаго за-
«блужденія, кромѣ ученія о необходимости открывать испо-
«вѣдь, то и за одно это заблужденіе должны быть строго
«наказаны. Когда я при этомъ увѣщевалъ его, чтобы онъ
«былъ воздержнѣе и подумалъ о томъ, что говорить,—такъ
«какъ у него попадались слова очень соблазнительныя, и
«когда я напомнилъ ему о запрещеніи Григорія XII говорить
«что либо худое объ обществѣ или его братіяхъ,—онъ отвѣ-
«чалъ, что онъ — богословъ, и лучше меня знаетъ то, о чемъ
«говорить, и съумѣетъ за себя отвѣтить... и что онъ надѣется
«получить отъ нашего господина (папы) особенную награду
«за дѣло вѣры, въ которомъ онъ окажетъ ему услугу. Здѣсь
«опять я просилъ этого человѣка, чтобы онъ воздержался,
«поелику тѣмъ способомъ, какимъ онъ намѣревается уничто-
«жить общество, скорѣе навлечетъ на себя наказаніе и осу-
«жденіе, чѣмъ получить успѣхъ. Перечислялъ также я въ
«обществѣ лицъ высоко нравственныхъ и ученыхъ, такъ что
«оно по справедливости пользуется въ Испаніи хорошею сла-
«вою. Таковъ былъ магистръ Доза и другіе, кои въ теченіи
«многихъ лѣтъ публично преподавали богословіе въ Комплютѣ
«и Сальмантикѣ, и были такъ преданы ученію св. Оомы, что
«нельзя повѣрить, чтобы они впади въ такія грубыя заблу-
«жденія, какія имъ приписываются. Здѣсь онъ, въ новомъ
«припадкѣ раздраженія, закричалъ на это, что онъ за ничто
«ставитъ Дозу, и что нѣтъ въ доминиканскомъ ордѣнѣ такого
«пеуча, который бы не зналъ большаго Дозы. При этомъ выне-
«пояннутый докторъ Іоаннъ Гомецъ de Sanabria не удер-
«жался отъ того, чтобы не сказать: отче, прошу почтеннаго
«отца обдумать то, что говорить, поелику онъ говорить вещи

«весьма рѣзкія и соблазнительныя о людяхъ очень хорошихъ
«и полезныхъ для государства. Если же почтенный отецъ,
«пользующійся такимъ почетомъ и уваженіемъ, будетъ оста-
«ваться при своемъ мнѣніи, то распространяемое такимъ
«лицомъ можетъ причинить большой вредъ самимъ отцамъ и
«препятствовать имъ къ достиженію желаемого успѣха. На
«это вышепомянутый братъ Альфонсъ Авелданій отвѣчалъ,
«что онъ знаетъ,—о чемъ говорить,—и получилъ въ этомъ
«дѣлѣ одобреніе нашего господина. Тогда я, перебивъ рѣчь,
«сказалъ ему, что онъ нисколько не убѣдилъ меня въ ска-
«занномъ, что я хорошо знаю многихъ изъ общества и знаю
«образъ дѣйствій и жизни ихъ, и вижу въ словахъ его объ
«нихъ больше раздраженіе, и очень удивляюсь, что онъ взялъ
«на себя такую вольность и безъ всякаго состраданія гово-
«рить о заключеніи этихъ отцовъ, тогда какъ они еще не
«осуждены, а это обнаруживаетъ въ немъ стремленіе—уни-
«зить и уничтожить все общество Иисуса. И поелику слышан-
«ное мною причиняетъ мнѣ соблазнъ, и я опасаюсь, чтобы
«дѣло о нихъ когда-либо не было поднято, то я буду просить,
«кого слѣдуетъ, чтобы приняли это къ свѣдѣнію, и посему,
«чтобы не забыть, особенно поручаю вышепомянутому доктору
«Іоанну Гомецъ de Sanabria, человѣку образованному и на-
«ходившемуся, какъ я сказалъ, при разговорѣ, восстановить
«этотъ разговоръ и припомнить то, что забыто, по давности
«времени, и чего я здѣсь коснулся. Впрочемъ это самое, что
«говорилъ мнѣ означенный братъ Альфонсъ о ложныхъ мнѣ-
«ніяхъ, содержимыхъ обществомъ, передано было мнѣ дру-
«гимъ братомъ того же ордена, который слышалъ объ этомъ
«публично въ общемъ собраніи братьевъ Конвента въ Гвал-
«даярѣ. Онъ присовокуплялъ также, что нѣсколько разъ слы-
«шалъ отъ о. Альфонса признаніе, что онъ имѣетъ такое
«худое мнѣніе объ іезуитахъ, что при совершеніи литургіи,

«когда онъ особенно бываетъ настроенъ къ молитвѣ, въ это время чувствуетъ въ себѣ сильное возбужденіе и глубокое одушевленіе къ ихъ преслѣдованію и униженію. Вотъ что изъ этого разговора осталось у меня въ памяти, не говори уже о томъ, что забыто, по давности времени. Мадритъ, 16 сент. 1586 года».

Альфонсъ Авенданій проповѣдывалъ въ Испаніи въ теченіи 36 лѣтъ. Въ 1577 г. въ Сальмантикѣ, въ день св. Луки, онъ проповѣдывалъ, что извѣстные люди, которыхъ можно видѣть по стогнамъ и распутіямъ призывающими посредствомъ колокольчика дѣтей, подъ предлогомъ преподаванія имъ элементовъ христіанскаго ученія (такъ дѣлали іезуиты), суть не что иное, какъ разносчики и уличные актеры, обманщики, учителя притворной добродѣтели, нововведеніе, явившееся въ Испаніи къ ея гибели, противиться которому прямо, открыто и всѣми силами составляетъ важнѣйшую его обязанность. Авенданій впослѣдствіи самъ признавался предъ іезуитами, что онъ говорилъ это о нихъ. Въ 1578 г., въ навигриѣ св. Петру мученику, въ мединскомъ храмѣ св. Андрея, говорилъ: «пусть остерегаются новыхъ учителей, которые обязанность проповѣдывать поручаютъ свѣтскимъ, по честолюбивому и нелѣпому предвосхищенію... Поэтому, оставивши опасныя новшества, идите по прямому пути христіанства, котораго держатся отцы наши, перестаньте подчиняться недавно появившимся иѣкіямъ антихристамъ и слугамъ злаго демона». Въ частныхъ разговорахъ авторъ относилъ это къ іезуитамъ. И если какая-либо важная особа замѣчала при этомъ, что «упражненія духовныя» (*exercitia spiritualia*), выполняемые іезуитами, и правила и образъ жизни ихъ одобрены папою, то онъ отрицалъ это, говоря, что дипломъ выданъ въ то время, когда не было папы и между кардиналами не находилось благоразумныхъ людей. Къ этому онъ

прибавлялъ: «Я очень радъ, что мы заговорили объ іезуитахъ. «Это—мое призваніе. Тогда слова мои текутъ свободно: никогда я въ другое время не бываю такъ краснорѣчивъ. Богъ «призвалъ меня къ ниспроверженію этой секты», и заключалъ рѣчь такими словами: «чувствую, что я имѣю особенное вдохновеніе къ бесѣдѣ о семъ предметѣ, и не успокоюсь, будучи готовъ, въ случаѣ надобности, идти къ папѣ». Въ 1586 г., будучи въ Комплютѣ, гдѣ управлялъ кинovieю своего ордена, въ публичныхъ проповѣдяхъ и частныхъ разговорахъ утверждалъ, что іезуиты принадлежатъ къ осужденной сектѣ иллюминатовъ, что они суть пагубные оболъстители тѣхъ, кои знаютъ съ ними, что есть декретъ и повелѣніе папское объ уничтоженіи сего ордена, какъ не святаго и не монашескаго; присовокуплялъ къ этому, что іезуиты, подъ предлогомъ врачеванія грѣха, нарушаютъ исповѣдь, и непосредственные суперіоры общества обыкновенно открываютъ своему провинціалу грѣхи подчиненныхъ имъ лицъ, покаявшихся въ нихъ на исповѣди, а провинціалъ, узнавши о сихъ грѣхахъ, налагаетъ, по своему усмотрѣнію, эпитимію. Около этого времени былъ въ Комплютѣ одинъ клирикъ большой церкви. Встрѣтившись съ нимъ однажды, Авенданій сказалъ ему: «Ахъ, какъ тебѣ не стыдно позволять, чтобы сестры твои и родственницы, подъ видомъ исповѣди, посѣщали іезуитовъ! Развѣ не знаешь, какъ подозрителенъ этотъ народъ? Имѣй въ виду, что очень скоро какъ сами они погибнуть, такъ худо будетъ и тѣмъ, которые знали съ ними». Докторъ Рамересъ, бывшемъ профессорѣ іезуитскомъ, слывшемся въ Испаніи, Авенданій передавалъ, что онъ, подъ старость, понялъ пагубность іезуитскаго ордена и хотѣлъ удалиться изъ него, но другіе іезуиты, узнавши объ этомъ, отравили его ядомъ и такимъ образомъ заставили старика умереть въ іезуитскомъ орднѣ. Въ проповѣди, произнесен-

*

ной въ монастырѣ виолеевскомъ, вооружался противъ ученія тѣхъ, которые убѣждали посѣщать больницы и тамъ тревожить постели бѣдныхъ больныхъ, каковыя занятія онъ называлъ притворными и бесполезными: «пустъ» — говорилъ онъ — «подаютъ милостыню и оставляютъ эти выдуманныя новизны».

Такъ дѣйствовалъ Авенданій, не смотря на частыя увѣщанія со стороны священнаго трибунала инквизиціи. Когда незадолго предъ тѣмъ вышелъ 2-й томъ толкованій іезуита Франциска Суареса на 3-ю часть Сущности богословія Ѳомы Аквината, то Авенданій не замедлилъ выступить противъ него съ обвиненіями. Суаресъ объяснялъ второй членъ XL вопроса: «благоволилъ ли Христосъ вести въ семь мірѣ суровую жизнь», и, согласно съ Ѳомой Аквинатомъ, утверждалъ, что не могло быть, чтобы Христосъ избралъ суровый образъ жизни. Авенданій воспользовался этимъ мѣстомъ къ униженію жизни всего ордена, которую ученики Кана не признавали монашескою, не видя въ іезуитскомъ орденѣ надлежащей строгости жизни и поведенія. Итакъ, вмѣстѣ съ другимъ доминиканскимъ профессоромъ Гарзіей Мондрагоніемъ, Авенданій произвелъ смуту въ Валлисолетѣ противъ Суареса, и въ то же время послалъ обвинительныя письма къ Камиллу Каэтану, патріарху александрійскому, апостольскому нунцію, къ которому и Суаресъ написалъ также письмо, въ свое оправданіе. Въ этомъ письмѣ Суаресъ писалъ слѣдующее: «Недавно ты сообщилъ мнѣ, съ какимъ прискорбіемъ ты получилъ извѣстіе о смутѣ, происшедшей въ Валлисолетѣ по поводу обнародованнаго мною ученія объ образѣ жизни Христа Господа, состоявшемъ въ чрезвычайной строгости касательно пищи и одежды. Прибывши въ Сальмантику, я получилъ здѣсь два адресованныя тебѣ письма, писанныя Гарзіемъ Мондрагоніемъ и Альфонсомъ Авенданіемъ, въ которыхъ значится, что они были побуждены къ этому

«попеченіемъ о покаянной жизни и сохраненіи чистоты ученія церкви». Далѣе Суаресь доказываетъ, что въ ученіи объ образѣ жизни Іисуса Христа онъ слѣдовалъ Ѳомѣ Аквинату. «Впрочемъ,—продолжаетъ онъ,—и Авенданій признаетъ мое ученіе истиннымъ, только утверждаетъ, будто я и люди ордена ослабляютъ строгость жизни и считаютъ необходимымъ для добродѣтели употребленіе деликатной пищи ¹⁾. Но я жилъ въ орденѣ около 30 лѣтъ, и ничего подобнаго не замѣчалъ въ немъ: напротивъ, строгость здѣсь считается необходимою для совершенства, и въ отношеніи ея іезуиты превосходятъ даже другіе ордена. Ошибается и клевететъ Авенданій, утверждая, будто мы учимъ, что не необходимы строгость жизни, простота въ одеждѣ, посты и другаго рода умерщвленія плоти, необходимыя для совершенной жизни», и проч. При этомъ Суаресь, въ подтвержденіе своихъ словъ, указывалъ факты изъ жизни іезуитскаго ордена.

Впрочемъ, не одинъ Авенданій усиливался въ это время обвинять іезуитовъ въ изнѣженной и роскошной жизни, а и нѣкоторые изъ его учениковъ, преподававшихъ богословіе.—Такъ напр. Доминикъ Баннець, первый въ Сальмантикѣ профессоръ богословской кафедры, въ сочиненіи своемъ: *Relatio de merito et augmento charitatis*, 1589 г., намекнувши на іезуитовъ и отрицаніе ими строгости жизни, присовокупилъ: «это я сказалъ для того, чтобы желающій поступить въ какой либо орденъ, различалъ въ немъ хорошее отъ худаго». Но усилія Авенданія и его сообщниковъ повредить іезуитамъ

¹⁾ Въ этомъ обвинялся, между прочимъ, іезуитъ Озорій. Обвиненіе сіе,—по словамъ автора исторіи распрей,—введено было на Озорія по слѣд. случаю: объясняя въ проповѣди объ евхаристіи слова Писанія: «Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велию» и желая возбудить въ слушателяхъ стремленіе къ этой вечери, сравнилъ ее съ тѣлесною пищею, которая бываетъ тѣмъ вкуснѣе, тѣмъ она выисканиѣе.

не имѣли никакого успѣха. Іезуитскія лѣтописи передаютъ, что въ томъ же самомъ 1589 г., въ которомъ Баннецъ писалъ вышесказанное, юношество сальмантійской академіи, руководимое іезуитами, представляло утѣшительное зрѣлище, поелику лучшіе изъ сего юношества и притомъ изъ знаменитыхъ фамилій, подъ руководствомъ іезуитовъ, посѣщали публичныя тюрьмы и утѣшали узниковъ. Въ орденъ же принято ихъ въ 1589 и двухъ слѣдующихъ за нимъ годахъ такое множество, и притомъ съ прекрасными дарованіями, что едва вмѣстило ихъ тѣсное іезуитское зданіе, между тѣмъ какъ изъ Комплюта, гдѣ зданіе было обширнѣе іезуитскаго, до 25 человѣкъ лучшихъ юношей перешло въ 1589 году въ іезуитскій орденъ.

V.

Кромѣ того, Авенданій обвинялъ Суареса въ миѣніи о необходимости открывать иногда на исповѣди соучастника грѣха. Это обвиненіе—старинное; оно имѣетъ слѣдующее происхожденіе. Когда въ первую недѣлю весенняго поста, 1558 г., исповѣдывалъ въ храмѣ гранатской коллегіи одинъ изъ іезуитовъ, явилась къ нему женщина, которую растлилъ одинъ святотатецъ при самомъ совершеніи таинства покаянія. Поелику преступный священникъ могъ повторить свое преступленіе, то исповѣдывавшій женщину іезуитъ увѣщевалъ ее, чтобы она открыла имя святотатца кому-либо такому человѣку, который бы или дружески посовѣтовалъ этому человѣку не повторять злодѣянія, или подвергнуть его законному взысканію. И поелику женщина не соглашалась на это, то духовникъ донесъ о семъ гранатскому архіепископу Гверрерію и просилъ его совѣта. Архіепископъ далъ рѣшительный отвѣтъ, что никоимъ образомъ не слѣдуетъ разрѣшать грѣшницу, которая пренебрегаетъ находящимся въ ея рукахъ

средствомъ къ исправленію себя и другаго лица, и послалъ письмо къ папѣ Павлу IV, прося его сдѣлать, для церковной практики, постановленіе о весьма важномъ дѣлѣ, которое изложить ему генераль ордена. Изъ письма же Бустаманція, писаннаго 1558 года къ тогдашнему викарному генералу іезуитскому Лаинію, видно, что дѣло, о которомъ архіепископъ сносился съ папою чрезъ генерала ордена, состояло въ томъ, чтобы папа благоволилъ разсмотрѣть, не нужно ли вышепомянутое преступленіе изслѣдовать священному трибуналу верховной инквизиціи, съ присовокупленіемъ правила для женщинъ, подъ угрозою жестокаго наказанія, чтобы онѣ открывали тѣхъ людей, кои подобнымъ образомъ будутъ склонять ихъ къ преступленію. Папа согласился на это, и его рѣшеніе стало входить въ церковную практику. Это обстоятельство возбудило продолжительную смуту въ Испаніи вообще, и въ особенности въ Гранатѣ, гдѣ разнеслась молва, что іезуиты нарушаютъ таинство покаянія, доносятъ о слышанномъ на исповѣди архіепископу, и проч., посылаютъ чрезъ прислужниковъ письма и записки, для увѣщанія соучастниковъ преступленія, о которыхъ допытываются, вопреки приличію и древнему обычаю, у своихъ исповѣдниковъ. Когда этою молвою возмущенъ былъ весь городъ,—то одинъ іезуитскій проповѣдникъ Іоаннъ Рамирій, посовѣтовавшись съ архіепископомъ Петромъ и знаменитымъ въ Испаніи Іоанномъ Авилей, выступилъ на защиту іезуитовъ съ проповѣдію, при которой присутствовали въ глубокомъ молчаніи и квеститоры. Въ этой проповѣди Рамирій говорилъ, что печать св. исповѣди никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть нарушаема безнаказанно, и что какъ всѣ католическія школы учатъ этому, такъ и іезуиты скорѣе готовы умереть тысячу разъ, чѣмъ выдать сообщенное имъ на исповѣди, и что только въ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ они

обращаются за совѣтомъ къ пастырямъ церкви, не открывая впрочемъ имени кающагося лица. А въ этомъ нѣтъ ничего неправильнаго, незаконнаго и неупотребительнаго. Но, говоря, не пристойно требовать открытія соучастниковъ. Но если пристойно выдавать секреты противъ государства и общества, то тѣмъ болѣе пристойно это по отношенію къ дѣламъ церкви, дабы зло уничтожить въ корнѣ. И общепринятое ученіе богослововъ дозволяетъ открывать на исповѣди стороннее лицо въ трехъ случаяхъ: 1) когда истинная природа и какъ бы внутренній характеръ преступленія не могутъ быть поняты, безъ открытія соучастника; 2) когда кающійся, опасаясь вторичнаго паденія, нуждается въ совѣтѣ и помощи духовнаго врача; 3) когда представится удобный случай помочь дружескимъ совѣтомъ кому-либо, предающемуся тайному грѣху. Такъ говорилъ Рамирій. Но и его проповѣдь не только не прекратила смуты, но еще увеличила ее.

Около того времени, при жизни еще Кана, процвѣтала въ Испаніи *Comitia Generalia*. Нѣкоторые изъ учениковъ сего учрежденія жили въ то время въ Гранатѣ. Они въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ жестоко нападали на ту часть проповѣди Рамирія, въ которой онъ разсуждалъ о необходимости открытія на исповѣди соучастника. «Что за нескромность священниковъ,—провозглашали они,—выпытывающихъ излишнее и не дозволенное! Это—самое наглое любопытство. Если обратить вниманіе на послѣдствія его, то его нужно назвать не чѣмъ инымъ, какъ подготовленіемъ къ возмущенію, поелику открываются домашніе секреты и ночныя тайны. Пусть отстанутъ отъ злодѣяній, обѣщающихъ большой вредъ, и пусть не возмущаютъ ни стыдливости обнародованіемъ грѣховъ, ни мира гражданъ распрями и сѣяніемъ подозрѣній между родственниками. Каждому предоставлено заботиться о своихъ интересахъ, наблюдать за собою... А съ нѣжными

«и щекотливымъ дѣломъ исповѣданія грѣховъ нужно обра-
щаться какъ можно осторожноѣе. Здѣсь не иной кто закон-
ный обвинитель, какъ только самъ виновный, отвѣчающій
«о самомъ себѣ и за себя».—Эти проповѣди важныхъ лицъ
сильно возмутили народъ. Вслѣдствіе сего архіепископъ со-
звалъ всѣхъ гранатскихъ префектовъ орденскихъ домовъ,
изложилъ предъ ними дѣло и требовалъ ихъ мнѣнія. Общее
мнѣніе было такое, чтобы не порицать ничего ни въ испо-
вѣди, ни въ рѣчи проповѣдника. На это согласились и тѣ
самые, которые прежде вооружались противъ проповѣди Ра-
мیرія. Были и такіе, которые, держась середины, утверждали,
что постановленное архіепископомъ, будучи справедливо а
priori, опасно въ приложеніи къ практикѣ, п. ч. бываютъ
иногда такіе случаи, когда открытіе соучастника скорѣе при-
несетъ вредъ, чѣмъ пользу. Посему нужно разсмотрѣть и
отвергнуть это quasi-истинное ученіе. Архіепископъ при-
нялъ это къ свѣдѣнію и, потребовавъ посредствомъ писемъ
мнѣнія славнѣйшихъ испанскихъ профессоровъ богословія и
каноническаго права, утвердилъ свое мнѣніе, опровергнувъ
противное, и пастырскою своею властію запретилъ говорить
публично противъ своего опредѣленія. Кромѣ того, въ защиту
іезуитовъ, онъ изложилъ исторію этого дѣла и послалъ въ
Римъ на разсмотрѣніе папы, съ присовокупленіемъ своего
мнѣнія. Когда, благодаря этому способу, прекратилась смута
въ Гранатѣ,—она продолжалась еще въ гиспалійскомъ округѣ.
И здѣсь были приверженцы Кана. Когда одинъ изъ нихъ,
пользуясь близостію къ архіепископу, хотѣлъ и его вовлечь
въ гранатскую распрю, архіепископъ не послушалъ его, ска-
завъ, что если онъ будетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ,
то будетъ одного мнѣнія съ гранатскимъ архіепископомъ.
Кромѣ того, когда во время народной смуты арестовано было
и заключено въ тюрьму нѣсколько іезуитовъ, подозрѣваемыхъ

въ ложномъ ученіи объ открытіи соучастника, то гиспалійскій архієпископъ выдалъ 12 іюня 1558 г., по долгу верховнаго квезитора, дипломъ на имя судей свящ. инквизиціи валлисолетской, въ которомъ называетъ этотъ поступокъ безразсуднымъ и хвалитъ іезуитовъ. Тѣмъ не менѣе нападенія на іезуитовъ продолжались и возбуждали такое раздраженіе, что, по словамъ Франциска Боргіаса, іезуитскаго комиссара, іезуитскій орденъ отъ самаго основанія своего никогда еще не подвергался такимъ жестокимъ нападеніямъ. Наскучивъ ими, онъ явился въ валлисолетскій священный трибуналь квезиторовъ и просилъ его опредѣлить, по данной ему власти, — какъ должно поступать касательно спорнаго предмета, заявивъ, что іезуиты впольнѣ будутъ повиноваться и слѣдовать богословскому и каноническому ученію церкви, отцовъ и учителей. Священный Сенатъ отвѣтилъ, что способъ исповѣди, употребляемый іезуитами, незасоренъ, и іезуиты могутъ свѣдовать ему, не соблазняясь пустыми криками, о прекращенія коихъ постарается свящ. Сенатъ.

Прекращенію смуты по вопросу объ открытіи на исповѣди соучастника грѣха содѣйствовали и сами доминиканцы. Таковъ напр. былъ легатъ папскій Леонардъ Марина, епископъ альбскій, написавшій въ 1558 году письмо къ іезуиту Боргіасу о нападеніяхъ на іезуитовъ и осуждавшій раздѣленіе между католическими орденами. Но особенную услугу оказалъ іезуитамъ одинъ неизвѣстный по имени доминиканецъ, написавшій полную апологію іезуитовъ касательно открытія соучастника. По словамъ автора исторіи распрей, эта апологія написана была еще до 1585 г., около 1588 г. ходила въ рукописи по рукамъ, около 1590 г. дополнена была двумя главами, излагающими исторію споровъ объ открытіи соучастника грѣха. Кремонскій епископъ Цезарь Спеціанъ, бывшій около 1585 г., въ папство Григорія XIII, исправляю-

щимъ должность папскаго нунція при дворѣ испанскаго короля Филиппа II, взялъ эту апологію съ собою въ Италію и подарилъ ее доминиканцу Петру, инквизитору кремонскому, который въ 1594 г. и издалъ ее въ Кремонѣ, съ прибавленіемъ вышепомянутыхъ двухъ главъ. Въ предисловіи къ апологіи издатель увѣряетъ, что ученіе автора заимствовано изъ источниковъ доминиканской мудрости. Цѣль же написанія видна изъ текста апологіи—подтвердить свидѣтельствами и доказательствами изложенное іезуитомъ Рампріемъ въ его проповѣди ученіе; ибо апологія раздѣляется на три части, соотвѣтственно тремъ пунктамъ ученія Рамиріа. Въ первой части доказывается, что иногда необходимо бываетъ при исповѣди открыть соучастника грѣха, для того, чтобы опредѣлить надлежащимъ образомъ качество грѣха, напр. кровосмѣшенія. Во второй части, начинающейся съ 4-й главы, утвердительно рѣшается вопросъ о томъ,—можно ли открывать на исповѣди соучастника грѣха, не только въ видахъ совершенства исповѣди, но и для подавія совѣта и помощи и врачеванія грѣшника чрезъ такое лицо, которое скорѣе принесетъ пользу, нежели вредъ. Съ седьмой и до десятой главы рѣшается третій вопросъ,—можно ли кающемуся открывать на исповѣди грѣхъ сторонняго лица, не только для полноты исповѣди и врачеванія кающагося, но и для пользы самаго сторонняго лица. И этотъ вопросъ авторъ рѣшилъ утвердительно, ссылаясь между прочимъ на примѣръ блаженнаго Августина, которому женщины открывали о прелюбодѣянніи своихъ мужей, противъ которыхъ онъ употреблялъ исправительныя средства. Въ 10-й и 11 главѣ изложена исторія споровъ объ открытіи на исповѣди соучастника грѣха. Эта апологія, по мнѣнію автора «Исторіи распрей», одна могла бы уничтожить смуту, если бы не оставались не загражденными уста Авенданія. А это произошло въ томъ же 1594 году, слѣдующимъ образомъ.

VI.

Въ 1589 г. издана была книга іезуита Молины «*de concordia liberi arbitrii cum auxiliis gratiae*», первый богословскій трудъ іезуитовъ.—Когда доминиканецъ Доминикъ Баннецъ обвинялъ въ 1594 г. книгу Молины въ пелагианствѣ, и разнеслась молва по Валлисолету, что къ празднику Іоанна Крестителя эта книга будетъ запрещена и признана еретическою; то іезуитъ Антоній Падилла, преподававшій богословіе въ валлисолетскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, выставилъ на публичномъ диспутѣ одного изъ своихъ учениковъ, который, по напередъ составленной программѣ, долженъ былъ доказать, что все, написанное Молиной въ книгѣ «о согласіи свободной воли съ дарами благодати», истинно и православно. Диспутъ происходилъ 3 марта, и на немъ присутствовало избранное общество, подъ предсѣдательствомъ валлисолетскаго аббата Альфонса Мендозы, бывшаго тогда проепископомъ города. Былъ тамъ и доминиканецъ Іаковъ Нунній, докторъ и профессоръ богословія въ валлисолетской коллегіи св. Григорія, не любившій Молину и тутъ же называвшій его невѣждой и богохульникомъ. Къ этому онъ присовокушилъ угрозу, что въ маѣ мѣсяцѣ онъ устроитъ диспутъ, на которомъ докажетъ, что ученіе Молины ложно и пагубно. Когда многіе изъ сторонниковъ іезуитскаго ордена стали открыто и публично порицать сказанное Нунніемъ, то Альфонсъ Авенданій выступилъ противъ іезуитовъ съ публичною проповѣдію, доказывая, будто бы они предвосхищаютъ себѣ право судить о достоинствѣ ученія, и этимъ достигъ того, что простой народъ началъ сомнѣваться,—не грѣшно ли исповѣдываться у іезуитовъ, истинное ли у нихъ ученіе, и хорошъ ли по жизни ихъ орденъ. Вслѣдствіе сего іезуиты, совѣщавшіеся между собою, послали къ апостольскому нунцію прошеніе, съ обвиненіемъ Альфонса Авенданія въ клеветѣ на іезуитовъ. Нунцій

вызвалъ Авенданія изъ Валлисолета къ себѣ въ Мадритъ, куда онъ отправился съ твердою увѣренностію въ правотѣ своего дѣла. Но лишь только онъ прибылъ въ Мадритъ, какъ его заключили въ киновію доминиканскаго ордена св. Маріи а Тосіа и, по повелѣнію нунція, подвергли строѣмому допросу, на которомъ онъ не только сознался въ обвиненіи іезуитовъ касательно открытія ими исповѣдуемыхъ грѣховъ, но и присовокупилъ новыя обстоятельства, а именно: что онъ несправедливо обвинялъ іезуитскій орденъ и порицалъ его за неправоученіе, что онъ считаетъ себя посланнымъ отъ Бога для проповѣди противъ іезуитовъ, что онъ, по возможности, отклонялъ всѣхъ отъ исповѣди у іезуитовъ, и которыхъ не могъ отклонить, тѣхъ называлъ лицемерами, а которыхъ отклонилъ, тѣхъ называлъ предопредѣленными, что онъ говорилъ и намѣренъ говорить, что основатель ордена—тицеславный и дерзкій воинъ, что основанный имъ орденъ—величайшее зло для церкви, что іезуиты составляютъ сильнѣйшее орудіе діавола къ ниспроверженію царства Божія, что они посредствомъ магіи входятъ въ общеніе съ злыми духами и при помощи ихъ уловляютъ души. Къ этому Авенданій присовокуплялъ, что іезуитскій ректоръ въ Плаценціи Гуттерій, ночью, при помощи магіи, проникалъ въ спальни содержавшихся у нихъ, въ видѣ ласточекъ, женщинъ.

Узнавши о сдѣланномъ Авенданію допросѣ, начальники доминиканскаго ордена и друзья Авенданія просили папскаго нунція и іезуитовъ, чтобы о сущности вопроса было сообщено доминиканскому провинціалу. Но когда іезуиты не согласились на это, то доминикане обратились въ Римъ къ кардиналу Петру Михайлу Бонеллу, вышедшему изъ ихъ ордена, и просили его, чтобы начатый нунціемъ судъ надъ Авенданіемъ переданъ былъ самому папѣ. Іезуиты въ свою очередь требовали, чтобы судъ былъ оконченъ тѣмъ же нун-

ціємъ, которымъ и начать. Тогда доминикане обратились къ королю Филиппу II, представили ему, что судъ надъ Авенданіємъ производить въ народѣ соблазнъ, и просили, чтобы Авенданія судили не публично, а секретнымъ образомъ, говоря, что публичное наказаніе Авенданія взволнуетъ многихъ, что открытая вражда двухъ знаменитыхъ орденовъ опасна какъ для народа и государства, такъ и для самого короля, поелику народъ, самыя академіи и города раздѣлятся на опасныя для государства партіи. Убѣжденный этимъ, король велѣлъ Іоанну Идіаквецу написать отъ своего имени апостольскому нунцію, что онъ желаетъ знать о положеніи дѣла Альфонса Авенданія, такъ какъ оно касается двухъ знаменитыхъ орденовъ, и просилъ пріостановить, пока подробно не узнаетъ его. Повинуясь волѣ короля, нунцій представилъ все дѣло на его разсмотрѣніе. Спустя немного времени, Идіаквецъ написалъ нунцію, что королю пріятно его усердіе, и что его величество, внимательно прочитавъ написанное, снова просить, чтобы дѣло не продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не напомнитъ о немъ. А между тѣмъ Филиппъ II отправилъ къ іезуитамъ духовника Іакова Испія изъ ордена іеронимитовъ, съ порученіемъ—склонять ихъ отъ своего имени къ прекращенію раздора и судебного процесса. Въ то же время подобное внушали іезуитамъ и первенствующие вельможи двора. Но на всѣ отвѣты и убѣжденія іезуиты отвѣчали одно и то же,— что они съ своей стороны готовы прекратить процессъ, но опасаются оставить на орденѣ неизгладимый слѣдъ безславія, если клеветникъ не будетъ преслѣдуемъ законнымъ порядкомъ. А чтобы отказомъ не раздражить короля,—они написали объясненіе и просили Іепеца представить его, при удобномъ случаѣ, королю.—Въ этомъ объясненіи они изложили основанія, по коимъ они не могутъ прекратить начатаго нунціємъ суда надъ Альфонсомъ Авенданіємъ. Эти основанія суть слѣ-

дующія: 1) Авенданій по всей Испаніи обвинялъ іезуитовъ въ ложномъ и еретическомъ ученіи и нехорошей жизни, и его обвиненіе поддерживали другіе доминикане, какъ напр. магистръ Авелланъ, Доминикъ Баннець, Іаковъ Нунній, Гарзіа Мондрагоній, Альфонсъ de Luna, и др. Поэтому необходимо возстановить славу оклеветаннаго іезуитскаго ордена, а этого можно достигнуть только судебнымъ приговоромъ. «И основатель нашъ отецъ Игнатій Лойола»,—прибавляли іезуиты,—«когда подобнымъ образомъ былъ оклеветанъ въ Римѣ и уже начатъ былъ судебный процессъ, то ни подъ какимъ условіемъ не хотѣлъ прекратить его, хотя его убѣждали къ тому важнѣйшія особы и даже кардиналы. Такъ какъ на послѣднихъ имѣли большое вліяніе его враги, ставшіеся о прекращеніи процесса, то онъ самъ обратился къ папѣ, и тѣми же доводами, какіе мы употребляемъ теперь, убѣдилъ папу сдѣлать немедленное распоряженіе продолжать дѣло дальше, помимо всякихъ ходатайствъ о его прекращеніи, какъ и было сдѣлано». 2) Іезуитскій орденъ, прекращая тяжбу, этимъ самымъ подтвердитъ, что взводимыя на него обвиненія справедливы. Уже и теперь нѣкоторые доминиканцы распространяютъ въ Мадридѣ молву, будто мы жалѣемъ о началіи процесса и желаемъ его прекращенія. 3) «Склоняющіе насъ къ мировой сдѣлкѣ говорятъ, что неприличны распри и несогласія между двумя орденами». Но во первыхъ,—ужели не прилично ордену оправдываться въ тяжелыхъ нареканіяхъ на него; во вторыхъ, іезуиты преслѣдуютъ судебнымъ порядкомъ не весь доминиканскій орденъ, а только одного изъ профессоровъ его, въ теченіи 40 лѣтъ унижавшаго орденъ. 4) Доминикане угрожаютъ, что если іезуиты не прекратятъ процесса, то они, въ защиту своего брата, представятъ какія-то извѣстныя для нихъ темныя дѣла іезуитовъ, доселѣ сохраняемыя въ секретѣ. Но это скорѣе отно-

сится къ доминиканамъ, чѣмъ къ іезуитамъ, поелику доминикане процессъ противъ одного изъ нихъ относятъ ко всему своему ордену и церкви, тогда какъ іезуиты не боятся суда, касающагося славы всего ихъ ордена. Въ заключеніе іезуиты доказываютъ, что судебный процессъ надъ Авенданіемъ не можетъ быть переданъ доминиканскому провинціалу потому, что онъ не можетъ быть компетентнымъ и безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ.

Филиппъ II, прочитавши объясненіе іезуитовъ, написалъ чрезъ Идіаквеса нунцію, чтобы онъ приступилъ къ дальнѣйшему судопроизводству, какъ необходимому для возстановленія чести іезуитскаго ордена. Но при этомъ онъ желалъ, чтобы наказаніе виновному не превышало тѣхъ границъ, какія онъ предпшетъ. Къ сему онъ присовокупилъ, что считаетъ не благовременнымъ—произносить судъ въ настоящее время, когда враждуютъ между собою два знаменитые ордена, и когда на нихъ обращено всеобщее вниманіе. Частнымъ образомъ онъ склонялъ доминиканъ и іезуитовъ къ миру и къ публичному заявленію о примиреніи. Вслѣдствіе сего доминиканецъ Іоаннъ Гуттерій 1 января, при стеченіи многочисленнаго народа, произнесъ въ іезуитскомъ мадритскомъ храмѣ рѣчь, въ которой говорилъ, что онъ и всѣ доминикане имѣютъ хорошее мнѣніе о дѣлахъ іезуитовъ. Въ тотъ же день доминиканскій провинціалъ съ двумя важнѣйшими лицами его ордена приглашены были іезуитами на обѣдъ. Послѣ сего, 5 января, послѣдовало судебное рѣшеніе объ Авенданіѣ, которымъ запрещено было ему въ теченіи двухъ лѣтъ проповѣдывать въ городѣ Бургенсѣ, также въ Мадритѣ, Валлисолетѣ, Комплютѣ или въ Мединѣ Ел Сатро, подъ угрозою отлученія, и это не за ложное ученіе Авенданія, какъ значится въ приговорѣ, но за неприличное порицаніе іезуитовъ. Кромѣ того Авенданію запрещалось, подъ угрозою тѣлесныхъ даже

наказаній, говорить впредь что либо противъ іезуитовъ. Для исполненія опредѣленія, Авенданій отсылался къ своему провинціалу. Обѣимъ сторонамъ вѣльно было молчать. Это рѣшеніе, подписанное Камилломъ Кастаномъ, патріархомъ александрійскимъ, нунціемъ апостольскимъ, объявлено было доминиканамъ и іезуитамъ 5 января 1595 года.

Но лишь только состоялось сіе опредѣленіе, какъ ректоръ мадритскихъ іезуитовъ Іоаннъ Гарсія обратился съ прошеніями къ королю Филиппу и нунцію апостольскому объ освобожденіи Авенданія отъ наложеннаго на него намазанія, на томъ основаніи, что будто бы іезуитскій орденъ началъ противъ Авенданія процессъ не за свою обиду, а для возстановленія собственной славы, необходимой для служенія Богу. Около того же времени, въ торжественный день канонизаціи доминиканца Гіацинта, іезуитъ Бартоломей Петріусъ говорилъ въ доминиканскомъ храмѣ панегирикъ святому, и приглашенъ былъ вмѣстѣ съ другими на обѣдъ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Авенданій. Возвратившись въ Воллисолетъ, Авенданій говорилъ въ іезуитскомъ храмѣ Антонія Патавина похвальную рѣчь іезуитскому ордену, украшенному кровію мучениковъ. Самъ царь написалъ письма къ доминиканскому и іезуитскому провинціаламъ и благодарилъ ихъ за примиреніе.

VII.

Около 1602 года жилъ въ Калькаріи въ доминиканскомъ монастырѣ профессоръ того ордена Авзимій Траіектскій, всегда при удобномъ случаѣ чернившій іезуитовъ. Пріобрѣтъ монастыря Теодоръ Гутгардъ часто унищевалъ его, но всегда напрасно. Тогда пріоръ, опасаясь, чтобы Авзимій не навлекъ своими словами бѣды на себя и монастырь, подвергнулъ его запрещенію и домашнему наказанію. Послѣ этого Авзимій

очутился въ Дилингѣ и здѣсь задержанъ былъ епископомъ, который, опасаясь вреда для церкви отъ шатающихся монаховъ и слыша отъ Авзимія худые отзывы объ іезуитахъ, донесъ о немъ генералу доминиканскаго ордена. Генераль благодарилъ епископа за его поступокъ и просилъ выслать Авзимія въ Римъ. Авзимій, вельдствие этого, собрался идти въ Римъ; но вмѣсто того возвратился въ Калькарію, сказалъ своему пріору, что былъ задержанъ въ Дилингѣ, потому, что не имѣлъ вида, выпросилъ у него свидѣтельство, въ которомъ значилось, что онъ Авзимій велъ себя хорошо, и только въ проповѣдяхъ называетъ іезуитовъ еретиками, и посему, въ предотвращеніе соблазна, уволенъ пріоромъ изъ монастыря. Получивъ это свидѣтельство, Авзимій отправился сначала въ Везалию, потомъ въ Бупургъ, далѣе—въ Гайборинъ, оттуда въ Марпургъ, Гайдельбергъ и Лавингу, изъ коихъ пять первыхъ городовъ были кальвинскіе, а послѣдній—лютеранскій. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ, онъ являлся въ церковныя совѣты, къ академическимъ ректорамъ и проповѣдникамъ, и представлялъ имъ записки или словесно заклиналъ ихъ именемъ Божиимъ, чтобы хотя они сокрушили обманъ и лесь іезуитовъ, такъ какъ католики продолжаютъ терпѣть ихъ. Кальвинисты и лютеране удивлялись столь сильной враждѣ Авзимія противъ іезуитовъ, и обѣщали просимое, при чемъ нѣкоторые предлагали ему—оставить католичество и принять ихъ исповѣданіе. Авзимій отвѣчалъ, что онъ не за тѣмъ пришелъ и не сомнѣвается въ истинности католичества. Совершивъ это путешествіе, Авзимій, неизвѣстно съ какою цѣлю, возвратился въ Дилингу. Здѣсь первый встрѣтилъ его за городомъ іезуитъ Юлій Присціанъ, который узнавъ Авзимія и привѣтствовалъ его, но послѣдній не хотѣлъ признать Юлія. Черезъ нѣсколько времени донесено было епископу, что отправленный имъ въ Римъ Авзимій снова явился въ Дилингѣ.

Епископъ велѣлъ привести его къ себѣ и снялъ съ него слѣдующій допросъ:

— Почему онъ, не смотря на приказаніе генерала и угрозу отлученія, не отправился въ Римъ?

— Потому, отвѣчалъ Авзимій, что онъ не обязанъ былъ къ этому и вызываемъ былъ не генераломъ, а еретиками іезуитами отъ имени генерала.

— Куда ходилъ?

— На это Авзимій разсказалъ вышепрписанное.

— Почему за помощію противъ іезуитовъ обратился къ еретикамъ, а не католикамъ?

— Потому, что католики не исполняютъ своего долга, что онъ обратился къ еретикамъ для того, чтобы тайныхъ еретиковъ іезуитовъ поссорить съ явными еретиками, и что онъ сдѣлалъ это для славы церкви.

— Какія ереси іезуитовъ?

— Въ отвѣтъ на это Авзимій насчиталъ 40 іезуитскихъ ересей.

— Почему онъ не обратился къ папѣ или другимъ епископамъ?

— Потому, что папа не исполняетъ своего долга и запрещаетъ писать что либо противъ іезуитовъ, и что такъ поступилъ Климентъ, человекъ простой и достойный осужденія.

— Всѣ ли тѣ, которые держатся одинаковыхъ мнѣній съ іезуитами и сообщаются съ ними, суть еретики?

— Слѣдующіе іезуитамъ—не католики; о другихъ не знаетъ; но Беллармина и Баронія считаетъ еретиками.

— Почему одинъ онъ изъ всего ордена преслѣдовалъ іезуитовъ?

— Многіе сочувствуютъ ему, но молчатъ изъ опасенія непріятностей.

*

Послѣ этого дилингскій настоятель заключилъ Авзімія подъ крѣпкую стражу.

VIII.

Около 1582 г., въ самый разгаръ нападеній канистовъ на іезуитскій орденъ, доминиканецъ Іаковъ Передъ началъ оспаривать значеніе простыхъ обѣтовъ іезуитскаго ордена.

Учредитель іезуитскаго ордена Игнатій Лойола раздѣлилъ составъ ордена на различныя степени. Всѣ монашескіе обѣты ордена раздѣлялись на два класса. Къ первому принадлежали тѣ изъ братій, кои посредствомъ высокихъ обѣтовъ такъ соединились съ Богомъ и орденомъ, что не могли сами ни освободиться отъ этихъ священныхъ узъ, ни оставить ордена. Эта степень профессовъ ордена есть самая важная и особенная, состоящая изъ немногихъ избранныхъ и хорошо испытанныхъ лицъ. Ко второму классу обѣтовъ принадлежали тѣ іезуиты, кои, принявши простые обѣты, сами, по возможности, усовершенались въ преданности Богу и ордену; но они могли, по требованію обстоятельствъ, быть освобождены отъ обѣтовъ и выпущены изъ ордена. Въ этомъ классѣ было три разряда: 1) коадьюторы храма, и 2) духовные форматоры, возводимые въ эти степени во всякое время, не по выслугѣ лѣтъ, а по усмотрѣнію начальниковъ, и 3) третій разрядъ есть только какъ бы разсадникъ двухъ первыхъ степеней, заключающій въ себѣ тѣхъ, кои, по двухгодичномъ испытаніи, принимаютъ нѣкоторые церемоніальные обѣты, для того, чтобы не имѣть права самимъ добровольно оставлять орденъ, и готовятся къ дальнѣйшимъ степенямъ профессовъ или коадьюторовъ. О коадьюторахъ существуетъ постановленіе папы Павла III, что они въ теченіи опредѣленнаго генераломъ времени должны соблюдать обѣты нестяжанія, цѣломудрія и послушанія, удаляться общенія съ

вышнимъ міромъ и не принимать никакой важной профессіи. О приготовляющихся къ степени коадьюторовъ и къ профессіи существуетъ утвержденное папою Юліемъ III постановленіе Лойолы, въ силу котораго оставляющіе орденъ безъ согласія генерала считались «отступниками».

На такихъ основаніяхъ іезуитскій орденъ существовать уже 40 лѣтъ, когда Передъ началъ разлащать по Испаніи, что въ іезуитскомъ орденѣ очень мало находится дѣйствительно монашествующихъ, которые бы могли отправлять торжественную профессію, такъ что едва найдется такихъ четвертая часть; остальные же, по мнѣнію богослововъ, суть не монахи, а простые люди, и потому подчинены власти епископовъ, такъ что могутъ оставить орденъ, съ которымъ ничѣмъ не связаны, и могутъ немедленно жениться, если только не поступать въ другіе ордена. Оскорбленные этимъ іезуиты увѣдомили о семъ своего генерала Клавдія Аквавиву, который доложилъ объ этомъ папѣ Григорію XIII. Папа вслѣдствіе сего издалъ въ 1583 г. декретъ, въ которомъ, утверждая орденъ іезуитскій, постановилъ, чтобы считались монашествующими не только коадьюторы и форматоры, но и всѣ остальные, кои по двухлѣтнемъ испытаніи исполняютъ вышепомянутые простые обѣты. Передъ замолчалъ на время; но скоро случилось въ іезуитскомъ орденѣ одно обстоятельство, которое снова развязало Переду языкъ. Это обстоятельство было слѣдующее.

Около того времени былъ въ іезуитскомъ орденѣ въ числѣ схоластиковъ одинъ юноша знатнаго происхожденія, по имени Родерикъ de Cardenas, съ хорошими дарованіями и поведеніемъ, прожившій въ орденѣ уже нѣсколько лѣтъ и, по двухлѣтнемъ испытаніи, принявшій простые обѣты монашества. Въ 1582 г. умеръ безъ завѣщанія его старшій братъ, — и наслѣдство должно было перейти къ Родерику. Отецъ

Родерика прибылъ въ Валлисолетъ, видѣлся съ сыномъ и просилъ іезуитскаго провінціала отпустить Родерика домой для утѣшенія матери, тоскующей о первенцѣ. Іезуитскій провінціаль Антоній Марценіусъ не согласился отпустить Родерика домой и посовѣтовалъ отцу, чтобы сынъ утѣшилъ мать посредствомъ письма. Черезъ нѣсколько времени Родерикъ убѣжалъ изъ Валлисолета въ родительскій домъ, и хотя отсюда написалъ іезуитамъ, что онъ бѣжалъ для утѣшенія матери, а не для того, чтобы совѣмъ оставить орденъ; но въ послѣдствіи онъ прямо началъ говорить, что не намѣренъ возвратиться въ орденъ и думать жениться. Узнавъ объ этомъ, іезуиты просили коріенскаго епископа, въ епархіи котораго жилъ Родерикъ, предписать всѣмъ своимъ священникамъ, чтобы они не благословляли предполагаемаго брака и увѣдомили самого Родерика и его родителей, что, на основаніи буллы Пія V противъ отступниковъ ордена и ихъ покровителей, они подвергаютъ его отлученію, отъ котораго можетъ освободить только римскій первосвященникъ. Пораженные этимъ извѣстіемъ, отецъ и сынъ рѣшились возвратиться въ Валлисолетъ и войти въ соглашеніе съ іезуитами. Этотъ планъ созрѣлъ у нихъ ночью и неизвѣстенъ былъ матери, которая между тѣмъ, вставши рано и приготовивъ все нужное для брака, женила его на заранѣ приготовленной жениницѣ въ то самое время, которое назначено было для отъѣзда въ Валлисолетъ.—Спустя нѣсколько времени, 21 марта, дошло до свѣдѣнія ректора абульской іезуитской коллегіи, что Родерикъ находится въ городѣ. Ректоръ обратился къ префекту города, который въ свою очередь велѣлъ окружить квартиру Родерика, схватить его и привести въ коллегію. Такъ какъ Родерикъ имѣлъ въ г. Абулѣ много знатныхъ родныхъ и знакомыхъ, то, изъ опасенія смуты, отвели его подъ крѣпкою стражею изъ Абулы въ Валлисолетъ. Здѣсь, въ ожиданіи

изъ Рима отвѣта о немъ, заключили его въ отдѣльную комнату коллегіи и заковали въ кандалы, а между тѣмъ за его поступокъ подвергали его жестокимъ наказаніямъ. Напрасно отецъ приѣзжалъ въ Валлисольтъ и, обвиняя себя одного, просилъ іезуитовъ о помилованіи сына и освобожденіи его отъ обѣтовъ: Родерикъ выпущенъ былъ на волю только по полученіи изъ Рима отвѣта. Знатные родственники и знакомые Родерика злобились на іезуитовъ за долговременное его заключеніе. Съ ними знакомъ былъ профессоръ богословія въ абуйскомъ конвентѣ св. Оомы Іаковъ Передъ. Онъ сталъ теперь утверждать, что іезуиты, связанные только простыми обѣтами, имѣютъ полное право, безъ уцѣрба ордену, возвращаться въ дома родителей и, по желанію, вступать въ бракъ. Кромѣ того онъ говорилъ въ частныхъ собраніяхъ, что іезуитскій орденъ, пресмыкательствомъ достигшій славы и знаменитости, долженъ казаться подозрительнымъ для добрыхъ людей и упасть въ общественномъ мнѣніи; что многія изъ открытыхъ дѣйствій іезуитовъ представляютъ изъ себя нововведенія; что если вникнуть поглубже въ тайный смыслъ учрежденія, то откроется уклоненіе отъ древнихъ формъ всѣхъ орденовъ. И это, кажется, служитъ причиною того, почему они старательно скрываютъ отъ людей свои законы и постановленія и внутреннюю дисциплину ордена. Поэтому очень естественно подозрѣніе благоразумныхъ людей, — дѣйствительно ли честно и незазорно то, что боятся свѣта и изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, если по дѣлу съ Родерикомъ судить о другихъ тайныхъ постановленіяхъ іезуитскихъ, то надо полагать, что они не выдержатъ критики. Люди, находящіеся въ послушаніи, суть простые люди, подчиненные епископамъ: они могутъ жениться, и суперіоры іезуитскіе не имѣютъ надъ ними никакой законной власти; поэтому и Родерикъ имѣлъ полное право жениться.

Не довольствуясь частными бесѣдами, Передь публично критиковалъ въ школѣ постановленіе папы. Узнавши на другой или на третій день, что іезуиты вывѣдываютъ отъ учениковъ о сказанномъ имъ,—замѣтилъ, что онъ и желаетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія іезуитовъ. Получивши отъ учениковъ Переда копію его трактата, одинъ экземпляръ его іезуиты послали провинціалу, а другой—іезуитскимъ докторамъ въ Сальмантику. Въ то же время жившій въ Абулѣ комиссаръ свящ. инквизиціи, услышавъ, что Передь публично говорилъ противъ непогрѣшимости папы, постарался развѣдать объ этомъ и, призвавши трехъ слушателей богословія, узнать отъ нихъ, что дѣйствительно Передь говорилъ объ этомъ. Комиссаръ извлекъ изъ трактата 12 тезисовъ и, вмѣстѣ съ экземпляромъ самага трактата, представилъ ихъ въ Римъ генералу, и въ то же время сообщилъ объ этомъ въ Сальмантику іезуитамъ, изъ коихъ одинъ, по имени Рипальдо, сдѣлавши изъ трактата извлеченіе, представилъ его вмѣстѣ съ экземпляромъ самага трактата папѣ. Папа передалъ все это на разсмотрѣніе куріи богослововъ, въ которую допущенъ былъ, по настоянію іезуитскаго генерала, и іезуитъ Францискъ Толедскій. По разсмотрѣніи дѣла куріей, папа Григорій написалъ къ своему нунцію въ Испаніи, епископу лавдскому Людовику Тавернѣ, письмо, въ которомъ, сожалѣя о безразсудномъ поступкѣ Переда, повелѣвалъ епископу сдѣлать Переду выговоръ, съ присовокупленіемъ, что если онъ на будущее время позволитъ себѣ говорить что-либо подобное, то подвергнется за свое безразсудство жестокому наказанію. Папа приказывалъ также предписать всеѣмъ университетамъ и конвентамъ орденовъ, въ коихъ преподается богословіе, чтобы они не принимали ложныхъ положеній Переда. Это было въ 1584 году. Нунцій, получивъ папское письмо, призвалъ къ себѣ Переда, сдѣлалъ ему выговоръ и, не смотря

на оправданія его, что онъ слѣдовалъ въ своемъ ученіи общепринятымъ богословамъ, что многія мѣста изъ его трактата не такъ поняты какъ бы слѣдовало, заключилъ его на 8 или 10 дней въ мадритскомъ монастырѣ, и въ тоже время предписалъ испанскимъ университетамъ и конвентамъ не принимать положеній Переда. Кромѣ того, осужденіе Переда папой объявлено было въ томъ богословскомъ классѣ, въ которомъ преподавалъ Передъ. Затѣмъ, по настоянію Аквавивы, запрещено было разбирать вновь ученіе Переда; еслибы кто захотѣлъ разбирать это ученіе, тотъ долженъ обратиться для этого въ Римъ.—Въ 1584 г. издана булла, которою признавались монашествующими двухгодичные новиціанты и такимъ образомъ косвенно порицалось ученіе Переда. Доминикане сердились, что іезуиты пожаловались на Переда папѣ, не обращаясь къ доминиканскому начальству.

Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ сего умеръ папа Григорій и на мѣсто его избранъ папою Сикстъ V, о которомъ ходила молва, что онъ не благоволитъ къ іезуитамъ. Поэтому оскорбленные доминикане надѣялись отмѣнить постановленіе покойнаго папы Григорія о Передѣ, тѣмъ болѣе, что имъ покровительствовалъ кардиналъ Александринъ, внукъ папы Сикста V, имѣвшій на него большое вліяніе. По его совѣту, Передъ отправился въ Римъ и занесъ папѣ жалобу на то, что его осудили, не выслушавъ оправданія. Дѣло пошло въ ходъ. Уже рѣшено было отмѣнить Григоріева постановленіе. Но къ этому времени кардиналъ Александринъ утратилъ свое вліяніе на папу,—и потому дѣло приняло другой оборотъ. Іезуитскій генераль Аквавива, явившись къ папѣ, убѣдилъ его, что отмѣна Григоріева постановленія скомпрометируетъ непогрѣшимость папы. Папа послушался, и жалобу Переда передалъ на разсмотрѣніе судей священныхъ вопросовъ. Трибуналь судей, разсмотрѣвъ дѣло, призналъ постановленіе

Григорія правильнымъ, а положенія Переда ложными, самого же Переда освободилъ отъ всякаго наказанія, и обѣимъ сторонамъ велѣлъ молчать. Но предполагаемое этимъ постановленіемъ примиреніе не состоялось вслѣдствіе нападеній доминиканца Баннеца на іезуитовъ. Въ 1588 году послѣдовало новое повелѣніе нунція Октавія прекратить богословскіе споры. Но когда въ слѣдующемъ 1589 г. издана была поманутая выше книга Молины «о согласіи свободной воли съ дарами благодати», то Баннецъ обвинилъ автора въ отрицаніи благодатнаго содѣйствія человѣку и въ пелагіанской ереси. Съ этихъ поръ начинаются нескончаемые богословскіе споры о благодати, о предназначеніи и предопредѣленіи, о всевѣдѣніи Божіемъ и т. п. Хотя Баннецъ умеръ въ 1604 г., но возбужденные имъ споры продолжались до 1612 года. Въ этомъ году послѣдовалъ эдиктъ инквизиціи, запрещающій, подъ угрозой отлученія, поднимать вопросъ о благодатной помощи. Тѣмъ не менѣе споръ продолжался и послѣ этого эдикта, только въ другой формѣ. Теперь стали писать только исторіи богословскихъ споровъ о благодати, съ подробнымъ изложеніемъ самыхъ споровъ; но въ эти исторіи проникала и полемика противъ враждебныхъ мнѣній. Въ такомъ духѣ писали исторіи: Іаковъ Фульгитатъ, Габріель de Nanag, Францискъ Феликсъ, Мартинецъ de Prado, и наконецъ авторъ «исторіи распрей между нѣкоторыми доминиканцами и орденомъ іезуитскимъ», которою мы пользовались при изложеніи сихъ отрывковъ.

Н. П.

12 Окт. 1868 г.